Самовар

Было это летней ночью на даче.

В маленькой комнате стоял на столе у окна пузатый самовар и смотрел в небо, горячо распевая:

Замечаете ли, чайник, что луна

Чрезвычайно в самовар влюблена?

Дело в том, что люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой и ушли, оставив чайник на конфорке; углей в самоваре было много, а воды мало — вот он и кипятился, хвастаясь пред всеми блеском своих медных боков.

Чайник был старенький, с трещиной на боку, и очень любил дразнить самовар. Он уж тоже начинал закипать; это ему не нравилось, — вот он поднял рыльце кверху и шипит самовару, подзадоривая его:

На тебя луна

Смотрит свысока,

Как на чудака, —

Вот тебе и — на!

Самовар фыркает паром и ворчит:

Вовсе нет. Мы с ней — соседи.

Даже несколько родня:

Оба сделаны из меди,

Но она — тусклей меня,

Эта рыжая лунишка, —

Вон на ней какие пятна!

Ах, какой ты хвастунишка,

Даже слушать неприятно!

— зашипел чайник, тоже выпуская из рыльца горячий пар. Этот маленький самовар и вправду очень любил хвастаться; он считал себя умницей,

красавцем, ему давно уже хотелось, чтоб луну сняли с неба и сделали из неё поднос для него.
Форсисто фыркая, он будто не слышал, что сказал ему чайник, — поёт себе во всю мочь:

Фух, как я горяч!

Фух, как я могуч!

Захочу — прыгну, как мяч,

На луну выше туч!

А чайник шипит своё:

Вот извольте говорить

С эдакой особой.

Чем зря воду-то варить.

Ты — прыгни, попробуй!

Самовар до того раскалился, что посинел весь и дрожит, гудит:

Покиплю ещё немножко,

А когда наскучит мне, —

Сразу выпрыгну в окошко

И женюся на луне!

Так они оба всё кипели и кипели, мешая спать всем, кто был на столе. Чайник дразнит:

Она тебя круглей.

Зато в ней нет углей,

— отвечает самовар.
Синий сливочник, из которого вылили все сливки, сказал пустой стеклянной сахарнице:

Всё пустое, всё пустое!

Надоели эти двое!

Да, их болтовня

Раздражает и меня,

— ответила сахарница сладеньким голосом. Она была толстая, широкая и очень смешлива, а сливочник — так себе, горбатенький господин унылого характера с одной ручкой; он всегда говорил что-нибудь печальное:

Ах, — сказал он, —

Всюду — пусто, всюду — сухо,

В самоваре, на луне.

Сахарница, поёжившись, закричала:

А в меня залезла муха

И щекочет стенки мне...

Ох, ох, я боюсь,

Что сейчас засмеюсь!

Это будет странно –

Слышать смех стеклянный...

— невесело сказал сливочник.
Проснулась чумазая тушилка и зазвенела:

Дзинь! Кто это шипит?

Что за разговоры?

Даже кит ночью спит,

А уж полночь скоро!

Но, взглянув на самовар, испугалась и звенит:

Ай, люди все ушли

Спать или шляться,

А ведь мой самовар

Может распаяться!

Как они могли забыть

Обо мне, тушилке?

Ну, придётся им теперь

Почесать затылки!

Тут проснулись чашки и давай дребезжать:

Мы скромные чашки,

Нам всё всё равно!

Все эти замашки

Мы знаем давно!

Нам ни холодно, ни жарко,

Мы привыкли ко всему!

Хвастун самоварко,

И не верим мы ему.

Заворчал чайник:

Ф-фу, как горячо,

Жарко мне отчайно.

Это не случайно,

Это чрезвычайно!

И — лопнул!

А самовар чувствовал себя совсем плохо: вода в нём давно вся выкипела, а он раскалился, кран у него отпаялся и повис, как нос у пьяного, одна ручка тоже вывихнулась, но он всё ещё храбрился и гудел, глядя на луну:

Ах, будь она ясней,

Не прячься она днём,

Я поделился б с ней

Водою и огнём!

Она со мной тогда

Жила бы не скучая,

И шёл бы дождь всегда

Из чая!

Он уж почти не мог выговаривать слов и наклонялся набок, но всё ещё бормотал:

А если днём она должна ложиться спать,

Чтоб по ночам светлей сияло её донце, —

Я мог бы на себя и днём и ночью взять

Обязанности солнца!

И света и тепла земле я больше дам,

Ведь я его и жарче и моложе!

Светить и ночь и день ему не по годам, —

А это так легко для медной рожи!

Тушилка обрадовалась, катается по столу и звенит:

Ах, это очень мило!

Это очень лестно!

Я бы солнце потушила,

Ах, как интересно!

Но тут — крак! — развалился самовар на кусочки, кран клюкнулся в полоскательную чашку и разбил её, труба с крышкой высунулась вверх, покачалась, покачалась и упала набок, отколов ручку у сливочника; тушилка, испугавшись, откатилась на край стола и бормочет:

Вот смотрите: люди вечно

Жалуются на судьбу,

А тушилку позабыли

Надеть на трубу!

А чашки, ничего не боясь, хохочут и поют:

Жил-был самовар,

Маленький, да пылкий,

И однажды не прикрыли

Самовар тушилкой!

Был в нём сильный жар,

А воды немного;

Распаялся самовар, —

Туда ему дорога,

Туда и дорога-а!